

Блок Александр. Михаил Александрович Бакунин

Источник: [здесь](#).

Тридцать лет прошло со смерти «апостола анархии» – Бакунина. Тридцать лет шеренга чиновников в черных сюртуках старалась заслонить от наших взоров тот костер, на котором сам он сжег свою жизнь. Костер был сложен из сырых поленьев, проплывших по многоводным русским рекам; трещали и плакали поленья, и дым шел коромыслом; наконец взвился огонь, и чиновники сами заплакали, стали плясать и корчиться: греть нечего, остались только кожа да кости, да и сгореть бояться. Чиновники плюются и корчатся, а мы читаем Бакунина и слушаем свист огня.

Имя «Бакунин» – не потухающий, может быть еще не расплавленный, костер. Страстные споры вокруг этого костра – да будут они так же пламенны и высоки, чтобы сгорела мелкая рознь! Бедная литература о Бакунине растет: в первый же год «свободы» вышло уже пять отдельных книжек; правда, пока больше охаживают Бакунина, процеживают классические слова Герцена о нем[1], а «полного собрания» еще долго ждать. Из трех очерков о Бакунине, вышедших в этом году, наиболее яркое впечатление производит очерк г. Андерсона («Борцы освободительного движения. М. А. Бакунин», СПб.). Автор сумел отметить то вечное, что очищает и облагораживает всякий запыленный факт, поднимает его на воздух, предавая его солнечным лучам. Очерк Андерсона написан литературнее двух других. Драгоманов[2] – серьезный исследователь, известный знаток Бакунина, – и не задавался, впрочем, общими целями; он рассматривает Бакунина как политического деятеля по преимуществу. Третий автор, г. Кульчицкий («М. А. Бакунин, его идеи и деятельность», СПб.)[3], пишет отрывочно, политиканствует и кое о чем умалчивает, считая Бакунина «прежде всего – человеком дела».

Бакунин – одно из замечательнейших распутий русской жизни. Кажется, только она одна способна огораживать мир такими произведениями. Целая туча острейших противоречий громоздится в одной душе: «волна и камень, стихи и проза, лед и пламень» – из всего этого Бакунину не хватало разве стихов – в смысле гармонии; он и не пел никогда, а, если можно так выразиться, вопил на всю Европу, или «ревел, как белуга», грандиозно и безобразно, чисто по-русски. Сидела в нем какая-то пьяная бесшабашность русских кабаков: способный к деятельности самой кипучей, к предприятиям, которые могут привидеться разве во сне или за чтением Купера, – Бакунин был вместе с тем ленивый и сырой человек – вечно в поту, с огромным телом, с львиной гривой, с припухшими веками, похожими на собачьи, как часто бывает у русских дворян. В нем уживалась доброта и крайне неудобная в общежитии широта отношений к денежной собственности друзей – с глубоким и холодным эгоизмом.

Как будто струсив перед пустой дуэлью (с им же оскорбленным Катковым[4]), Бакунин немедленно поставил на карту все: жизнь свою и жизнь сотен людей, Дрезденскую Мадонну и случайную жену, дружбу и доверие доброго губернатора[5] и матушку Россию, прикидывая к ней все окраины и все славянские земли. Только гениальный забулдыга мог так шутить и играть с огнем. Подняв своими руками восстания в Праге и Дрездене, Бакунин просидел девять лет в тюрьмах – немецких, австрийских и русских, месяцами был прикован цепью к стене, бежал из сибирской ссылки и, объехав весь земной шар в качестве – сначала узника, потом – ссыльного и, наконец, – торжествующего беглеца, остановился недалеко от исходного пункта своего путешествия – в Лондоне.

Здесь, с первых же дней, с энергией ничуть не ослабевшей, Бакунин стал действовать в прежнем направлении. Кто только не знал его и не отдавал ему должного! Все, начиная с императора Николая, который сказал о нем: «Он умный и хороший малый, но опасный человек, его надобно держать взаперти», [6] – и до какого-то захудалого итальянского мужика, который не разлучался с ним в последние годы и прятал шестидесятилетнего анархиста в сено после неудачного Болонского восстания.[7]

О Бакунине можно писать сказку. Его личность окружена невылазными анекдотами, легендами, сценами, уморительными, трогательными или драматическими. Есть случаи из Рокамболя и Дюма, например история снаряжения корабля с оружием для Польши – утлой посудины с командой из каких-то добровольных головорезов, польских офицеров, солдат всех национальностей – до кафров и малайцев включительно, – доктора, типографа и двух аптекарей. Интересно, что в участи своей посудины Бакунину удалось заинтересовать брата шведского короля, шведских министров и влиятельных лиц; и все-таки дело кончилось ничем: всеславянский Арго оказался старой калошей и был растрепан шквалом, напрасно стараясь приткнуться то к немецким, то к шведским берегам. Половина команды пошла ко дну, а оружие забрал шведский фрегат.[8]

Писал Бакунин много, но большей части своих писаний не кончил; они и до сих пор в рукописях. Бакунин противоречил себе постоянно, но, конечно, «без злого умысла». То же хочется думать о «сомнительных» поступках его, около которых спорят и горячатся, склоняясь то к осуждению, то к оправданию. Если Катков, близко зная Бакунина, не мог быть хладнокровным и отказывал ему даже в искренности,[9] – то мы, уж наверное, можем забыть мелкие факты этой жизни во имя ее искупительного огня. Да и человек Бакунин был не житейский, – и это не всегда в похвалу ему: то, что доставляло легкие средства освобождения от всякого комфорта, тормозящего деятельность, – тоже приводило к схеме и отвлеченности; отвлеченность вела к противоречиям, давала возможность наскоро соединять несоединимое.

Искать Бога и отрицать его; быть отчаянным «нигилистом» и верить в свою деятельность так, как верили, вероятно, Александр Македонский или Наполеон; презирать все установившиеся порядки, начиная от государственного строя и общественных укладов и кончая крышей собственного жилища, пищей, одеждой, сном, – все это было для Бакунина не словом, а делом. Как ни странно, – образ его чем-то напоминает образ Владимира Соловьева.[10] Удивительно, что это сходство простирается еще дальше – куда-то вглубь семьи. Мне приходилось слышать немало семейных воспоминаний о Соловьеве и Бакунине;

в тех и других звучит одна, быть может, музыка – музыка старых русских семей, совсем умолкающая теперь в молодых рамоликах и брюзжащих дегенератах.

Можно ли брать с Бакунина пример для жизни? Конечно, нет. Нет, потому одному, что такие люди только рождаются. Такая необычайная последовательность и гармония противоречий не даются никакими упражнениями. Но эта «синтетичность» все-таки как-то дразнит наши половинчатые, расколотые души. Их раскололо то сознание, которого не было у Бакунина. Он над гегелевской тезой и антитезой возвел скоропалительный, но великолепный синтез, великолепный потому, что им он жил, мыслил, страдал, творил. Перед нами – новое море «тез» и «антитез». Займем огня у Бакунина! Только в огне расплавится скорбь, только молнией разрешится буря: «Воздух полон, чреват бурями! И потому мы зовем наших ослепленных братьев: покайтесь, покайтесь, царство Божие близко! – Мы говорим позитивистам: откройте ваши духовные глаза, оставьте мертвым хоронить своих мертвецов и убедитесь наконец, что духа, вечно юного, вечно новорожденного, нечего искать в упавших развалинах... Позвольте же нам довериться вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он есть неисчерпаемый и вечно творящий источник всякой жизни. Страсть к разрушению есть вместе и творческая страсть».[11] Это говорит молодой Бакунин, но то же повторит и старый. Вот почему имя его смотрит на нас из истории рядом с многошумными именами. Хорошо узнать Бакунина, страстно и пристально взглянуть в его глаза, на лицо, успокоенное только смертью: бури избородили его. «Бакунин во многом виноват и грешен, – писал Белинский, – но в нем есть нечто, что перевешивает все его недостатки, – это вечно движущее начало, лежащее в глубине его духа». Переведем эти старые, «гуманные» слова на вечно новый язык. Скажем: огонь.

Октябрь 1906

Примечания

1 В книгах о Бакунине, упоминаемых Блоком, часто приводились слова Герцена о Бакунине из дневника 1842 г. (март): «Меня, если б знали во всех изгибах, поставили бы, может, на одну доску с Бакуниным, т. е. талант и дрянной характер». Подробную характеристику Бакунина см.: А. И. Герцен. Былое и думы, ч. VII, гл. IV.

2 М. П. Драгоманов. Михаил Александрович Бакунин. Критико-биографический очерк. Казань, 1905.

3 См.: Л. Кульчицкий. М. А. Бакунин, его идеи и деятельность. СПб., 1906(?), с.5.

4 Катков обвинил Бакунина в распространении о нем сплетни. Вызвав Каткова на дуэль, Бакунин предложил провести ее за границей, ссылаясь на строгость русских законов.

5 Блок имеет ввиду следующие события из жизни Бакунина. Во время Дрезденского восстания (1849) Бакунин предложил выставить на баррикадах шедевры Дрезденской галереи, полагая, что прусские войска остерегутся стрелять по ним из «эстетических» соображений. Бакунин, нарушив слово, данное им своему родственнику, генерал-

губернатору Муравьеву, бежал из Иркутска (1861) через Японию в Америку, оставив в Иркутске свою жену. (Насколько нам известно, не существует документального подтверждения того, что Бакунин действительно предлагал выставить произведения искусства на баррикады. – прим. ред.)

6 См.: А. И. Герцен, там же.

7 См.: В. М. Андерсон. Борцы освободительного движения. М. А. Бакунин. СПб. 1906, с.55.

8 См.:А. И. Герцен, там же.

9 Блок имеет ввиду статью М. Н. Каткова, которую цитирует В. М. Андерсон в своей книге, с.19-20.

10 В. Соловьев не интересовался бытом, вел неупорядоченный образ жизни.

11 Блок цитирует статью Бакунина «Реакция в Германии» (вероятно по книге М. Драгоманова), которая заставила Белинского изменить свою точку зрения на Бакунина, о чем он и писал Н. А. Бакунину в приводимом ниже Блоком письме от 7 ноября 1842 г.

Версия #2

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 30 мая 2025 15:50:55

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 30 мая 2025 15:58:52